

Язык в восприятии И. Бродского

Что значит для поэта «быть»? Быть поэтом, по Бродскому, – значит впасть в такую зависимость от языка, от которой избавиться невозможно.

Поэт не может отказаться от процесса стихотворения, потому что для него это – единственный способ все еще быть, несмотря на то, что время – и – смерть одинаково возможны / и невозможны и для физиологического человека, и для пишущего стихи.

Поэт не нуждается в большем «разумном» пределе, чем язык. Язык для него – то, что «догадывает» о сущем; только сущее знает, во что он умрет.

Поэтика Бродского служит стремлению преодолеть страх смерти и страх жизни.

«Язык всех простит» – вот «наднациональная» формула Бродского как гражданина мира, того, который – всех и ничей в отдельности [1: 79].

Известное Бродскому правило: не поэт должен опускаться до народа, а народ подниматься до поэта, до его языка. И разве поэт не использует язык «во спасение», для того только, чтобы переписать самого себя, а не «устыдиться» тем, что в тебе уже сказано?..

Язык – главное средство, с помощью которого Бродский борется с тем, что он называет пространством, – во имя того, что он называет временем.

По Бродскому, можно объявить себя орудием языка – это хорошая возможность остаться при внешне скромной функции «орудия» подлинным хозяином ситуации, ибо кто же может лучше других представлять себе, чего и как хочет язык, если не поэт. Поэт при языке полновластен, как жрец при божестве, которое может выражать себя исключительно через жреца.

Богом для Бродского становится язык. Если главное – не певец и не слушатель, тогда инструмент. С тем, что язык – важнейшее для текста, если не вообще для человека, не согласиться невозможно. Но смысл языка, его сила в том, что он принадлежит всем.

«Поэзия Бродского поражает поэтической мощью в сочетании с дивной изощренностью, замечательной виртуозностью», – говорит А. Кушнер [2: 394].

На самом деле, поэзия не стоит на месте, движется, растет, требует от поэта открытий. Поэт, по Бродскому, – человек, противостоящий «толпе» и мирозданию.

Обращает внимание тот факт, что в достижении точности передачи своего отношения к событию или персонажу Бродский всецело отдается во власть языка. Вообще, язык может рассматриваться как осмысление времени через стихотворный ритм, который сам – детище времени. Язык «проник» во время не настолько глубоко, чтобы предусмотреть в нем свою смерть. Поэтому, по Бродскому, «ощущение непрерывного становления» – чувство физиологического человека – прокладывается и в язык.

Язык – «необъективен», потому что «о чем» будет следующее стихотворение (и будет ли вообще) – нельзя предсказать. И разве «движение» языка рождает в поэте сознание, что сейчас вот замолкнешь навсегда? И разве поэт не использует язык «во спасение», для того только, чтобы переписать самого себя? [3: 1].

У Бродского истина жизни может быть узнана из языка, она находится где-то в языке, в хрящах и сухожилиях того, как человек мыслит. По логике Бродского, вступая в поэзию по каким угодно соображениям, поэт в результате отдает себя во власть языка, который определяет прошлое, настоящее и будущее культуры, то есть является ее главным хранителем.

Поэзия для Бродского – это своего рода избегание смерти. Поэзия – это активное сопротивление. Поэзия – это вызов небесам.

О высокой роли поэта Бродский всегда говорит с уверенностью и достоинством. По его словам, если поэзия и не игра-

ет роль церкви, то поэт, крупный поэт, в некотором роде совмещает или замещает в обществе святого. Можно сделать вывод, что поэт – некий духовно-культурный образец.

Литература

1. Куллэ В. Обретший речи дар в глухонемой Вселенной // Род-ник. Рига, 1990. №3.
2. Кушнер А.С. О Бродском // Аполлон в снегу. Заметки на полях. Л., 1991.
3. Полухина В. Парадоксы Бродского // Русская мысль. № 5.